

Алистер Кроули. Завещание Магдалины Блэр

www.incunabula.ru

ЧАСТЬ I

I

На третьем курсе в Ньюхеме я уже была любимой ученицей профессора Блэра. Позднее он потратил немало времени, восхваляя мою изящную фигуру, привлекательное лицо и большие серые глаза с длинными черными ресницами, но поначалу его привлек только один мой талант. Немногие мужчины, (и вряд ли хоть одна женщина), могли сосуществовать со мною в бесцельном для научной работы навыке, - способности воспринимать краткосрочные колебания. Моя память крайне слаба, даже необычайно: мне было вообще довольно сложно поступить в Кембридж. Но я умела наладить микрометр лучшего любого студента или профессора и прочитав показания нониуса с точностью, на которую никто из них не был способен. Вдобавок я отличалась производившей жутковатое впечатление способностью к бессознательным вычислениям. Если мне приходилось выбирать промежуток между, скажем, 70 и 80 градусами, мне даже не нужно было смотреть на термометр. Автоматически я определяла, что ртуть подходит к отметке, оставляла другую работу и, не задумываясь, поправляла бунзеновскую горелку.

Что еще примечательней, когда какой-то предмет клали на мою скамью без моего ведома, а потом убирали, я могла, если меня спрашивали несколько минут спустя, описать его в общих чертах, особенно контуры основания и степень восприимчивости к теплу и свету. По этим данным я легко могла определить, что это был за предмет.

Эти мои способности не раз проверялись с неизменным успехом. Причиной, очевидно, была моя особая чувствительность к мгновенным колебаниям тепла.

Мне также неплохо удавалось чтение мыслей, еще в те времена. Другие девушки страшно меня боялись. И совершенно напрасно: у меня не было ни желания, ни сил как-либо использовать мои способности. Даже сейчас, когда я обращаюсь к человечеству с этим посланием о проклятии, столь ужасном, что в двадцать четыре года я превратилась в увядшую, сломленную, высохшую старуху, я остаюсь совершенно бесстрашной, совершенно безразличной.

У меня сердце ребенка и сознание Сатаны, летаргия от неведомой болезни; и уже, слава Б... - ох! Нет никакого Бога! - близка развязка: я хочу предупредить человечество от следования по моему пути и затем взорвать во рту динамитную шашку.

II

На третьем курсе в Ньюхеме я каждый день проводила четыре часа в доме профессора Блэра. Все прочие дела я забросила, занималась ими автоматически,

если вообще занималась. Произошло это постепенно, и первопричиной послужил несчастный случай.

В химической лаборатории были две комнаты: одна маленькая, которую можно было полностью затемнить. В тот день (был летний семестр второго курса) эта комната была занята. Шла первая неделя июня, стояла жара. Дверь была закрыта. Внутри студентка проводила эксперимент с гальванометром.

Я была занята своей работой. Вдруг я встрепенулась. "Быстрее, - сказала я, - Глэдис сейчас упадет в обморок". Все в комнате уставились на меня. Я сделала несколько шагов к двери, тут раздался грохот падающего тела, и в лаборатории началась истерика.

Дело было только в жаре и духоте; Глэдис вообще не стоило работать в такой день, но она быстро пришла в себя и приняла участие в последующем бурном обсуждении. "Откуда она знала?" - этот вопрос волновал всех, и все были убеждены, что я знала заранее. Ада Браун (Athanasia contra mundum) все

высмеяла; Маргарет Лечмир решила, что я, возможно, услышала то, чего не уловили другие, занятые работой: может быть, крик; Дорис Лесли говорила о ясновидении, Эми Гор о "родстве душ". Все эти теории угонали в бесконечных догадках. Профессор Блэр появился в самый жаркий момент обсуждения, успокоил всех за пару минут, еще пять выспрашивал детали, а потом пригласил меня на ужин. "Думаю, дело в вашей теплочувствительности," - сказал он. - Вы не против невозможно поэкспериментировать после ужина?". Его тетка, занимавшаяся домашним хозяйством, пыталась было протестовать, но, в конце концов, была назначена Главным Надзирателем за моими пятью чувствами.

Сначала проверке был подвергнут мой слух, его признали нормальным. Затем мне завязали глаза, и тетка пулей предосторожности ради встала между мною и профессором. Обнаружилось, что я могу описать его малейшие движения, но только пока он находится между мною и западным окном; стоило ему отойти, и я ничего не могла сказать. Это соответствовало теории теплочувствительности, но в других случаях результаты полностью ей противоречили. В общих чертах итог был весьма примечательным и весьма загадочным; два часа мы провели в бесплодном теоретизировании. В конце концов, тетка, грозно нахмурившись, пригласила меня провести летние каникулы в Корнуолле.

Эти месяцы мы с профессором работали над изучением истинной природы и пределов моих способностей. Результат, по большому счету, был нулевой.

Во-первых, эти способности проявлялись всякий раз по-новому. Кажется, я делала все, что обычно, чтобы ощупать мгновенные изменения, но потом обнаруживалось, что аппарат восприятия у меня совершенно изменился. "Один исчез, другой пришел на смену!", - говорил профессор Блэр.

Те, кто никогда не проводил научных экспериментов, не подозревают, насколько бесчисленны и неуловимы источники ошибок, даже в простейших вещах. В таких же неясных и неизведанных областях нельзя доверять результату, пока он не перепроверен тысячу раз. В нашей области мы не обнаружили ничего постоянного, одни лишь варианты.

Хотя в нашем распоряжении были факты, каждый из которых, казалось, мог перевернуть все существующие теории о средствах общения между различными сознаниями, у нас не было ничего, совершенно ничего, что можно было положить в основу новой теории.

На самом деле, невозможно даже дать общее описание хода наших исследований. Двадцать восемь полностью исписанных тетрадей, относящихся к этому периоду, находятся в распоряжении моих душеприказчиков.

III

Когда я училась на третьем курсе, внезапно тяжело заболел мой отец. Узнав об этом, я помчалась на велосипед в Питерборо (мой отец был каноником местного собора), совершенно забыв об своей работе. На третий день я получила телеграмму от профессора Блэра: "Согласитесь ли вы стать моей женой?". До этого момента я никогда не думала о себе, как о женщине, а о нем, как о мужчине, и только тут поняла, что люблю и всегда любила его. Это

был случай, который можно назвать "Любовь с первой разлуки". Мой отец быстро шел на поправку, я вернулась в Кембридж, в мае мы поженились и сразу же уехали в Швейцарию. Позвольте опустить описание столь священного для меня периода моей жизни, но все же один случай не могу не упомянуть.

Мы сидели в саду возле Лаго-Маджоре после чудесной прогулки от Шамоникса через Коль д'ю Жан к Курмайеру, оттуда к Аосте, а потом спуска к Паланце. Очевидно, увлеченный какой-то идеей, Артур встал и принялся ходить взад-вперед по террасе. Неожиданно что-то заставило меня повернуть голову, чтобы убедиться в его присутствии.

Вас, читателей, это, возможно, не впечатлит, если вы лишены подлинного воображения. Но представьте себе, что вы разговариваете с другом при свете дня и внезапно тянетесь вперед его пощупать.

- Артур! - крикнула я. - Артур!

Отчаяние в моем голосе заставило его подбежать ко мне.

- Что случилось, Магдалина? - крикнул он, беспокойство в каждом слове.

Я закрыла глаза.

- Двигайся! - попросила я. - (Он стоял между мной и солнцем).

Он повиновался, изумленный.

Ты... ты... - Я загнулась. - Нет! Я не знаю, что ты делаешь. Я ослепла!

Он поднял руку, опустил. Бесполезно; я совершенно утратила чувствительность. Этой ночью мы провели десяток экспериментов. Все провалилось.

Мы скрыли разочарование, и оно не омрачило нашей любви. Влечение даже стало острее и сильнее, но не больше, чем обычно бывает между мужчинами и женщинами, любящими друг друга всем сердцем и любящими бескорыстно.

IV

В октябре мы вернулись в Кембридж, и Артур увлеченно принялся за работу в университете. Потом я заболела, и надежды, которые мы питали, были омрачены. Хуже всего, что течение болезни потребовало провести все операции, которые способна вынести женщина. Не только прошлые надежды, но и будущие были уничтожены.

Во время моего выздоровления произошло самое важное событие в моей жизни.

Однажды днем меня мучили сильнейшие боли, и я решила позвать врача. Сиделка пошла в кабинет позвонить ему.

- Не пугайте меня, - сказала я, когда она вернулась. - Он не уехал в Ройстон. Он узнал, что болен раком, слишком расстроен и поэтому не хочет приходить.

- О чем вы? - удивилась сиделка. - Он действительно не может прийти, и я собиралась сказать вам, что он уехал в Ройстон, но про рак я ничего не слыхала.

Это была правда, ей не сказали. Но на следующий день мы узнали, что моя "интуиция" оправдалась.

Когда я поправилась, мы возобновили эксперименты. Мои способности вернулись с утроенной силой.

Артур так объяснил мою "интуицию":

- Врач, когда ты последний раз его видела, еще не знал, что у него рак, но бессознательно Природа его предупредила. Ты проникла в его подсознание, и то, что ты там почерпнула, перенеслось в твое сознание, когда ты прочитала на лице сиделки, что он болен.

Это несколько расплывчатое заключение, по крайней мере, исключало эмпирическую теорию "телепатии".

С этого момента мои способности постоянно росли. Я могла читать мысли моего мужа по незаметным движениям его лица так же легко, как глухонемой разобрать речь находящегося вдалеке человека по его губам.

По мере того как мы продолжали работу, день за днем, я стала понимать, что мое умение улавливать детали становится все глубже. Я не просто умела угадывать эмоции, я могла сказать, думает ли он 3468522 или 3456822. В год

после моей болезни мы провели 436 подобных экспериментов, каждый длился несколько часов, всего 9363, из них лишь 122 неудачи, и то, без исключения, частичные.

На следующий год мы перешли к чтению его снов. И здесь мне сопутствовал такой же успех. Обычно я уходила из комнаты до пробуждения мужа, записывала его сон и за завтраком он сравнивал свою запись с моей.

Все, без исключения, были идентичными, с одной поправкой: моя запись всегда была полнее. Почти всегда он, тем не менее, старался вспомнить детали, известные мне, но эти детали, думаю, все равно не представляли научной ценности.

Но имеет ли все это значение, когда я думаю о надвигающемся кошмаре?

V

Версия, что единственным способом узнать мысли Артура было чтение по губам, на третий год нашего брака казалась более чем сомнительной. Мы бессовестно практиковали "телепатию". Проверив все тщательным образом, мы исключили возможность "чтения по мускулам", "сверхжщности", "теплочувствительности", и все равно я могла читать каждую его мысль. Во время пасхального отпуска в северном Уэльсе мы на неделю разъехались, в конце этой недели он оказался на подветренной, а я на противоположной стороне Трифана; в назначенный час он открыл и прочитал документ из запечатанного пакета, который дал ему "незнакомец в Пен-и-Пассе".

Эксперимент полностью удался, я повторила каждое слово документа. Если отбросить телепатию, то единственное объяснение, что я встретила "незнакомца" прежде и прочитала все, что он собирался написать при таких обстоятельствах! Разумеется, прямая связь двух сознаний - куда более резонная теория.

Если бы я знала, во что это все выльется, я бы, вероятно, сошла с ума. Вторично удачно, что я могу предупредить людей о том, что ожидает каждого. Величайшим благодетелем человечества будет тот, кто изобретет взрывчатку, действующую быстрее и разрушительней динамита. Если бы я только была уверена, что смогу изготовить хлорид азота в необходимом количестве...

VI

Артур сделался вялым и равнодушным. Любовное единство, которым был скреплен наш брак, рухнуло без предупреждения, хотя, на самом деле, расстраивалось мало-помалу. Но сам этот факт я, тем не менее, осознала внезапно. Это произошло как-то раз летним вечером, когда мы катались на лодках по Кему. Один из студентов Артура, тоже в канадском каноэ, предложил нам грести наперегонки. Под мостом Магдалины мы вышли вперед, и тут я услышала мысль моего мужа. Это был самый чудовищный и жуткий хохот, какой только бывает на свете. Ни один дьявол не способен смеяться так. Я вскрикнула и уронила весло. Все решили, что мне стало дурно. Я была убеждена, что это не смех какого-то прохожего на мосту, искаженный моей сверхчувствительной натурой. Я ничего не сказала; Артур выглядел мрачно. Ночью он спросил внезапно, после долгого раздумья: "Это было из-за моей мысли?". Я смогла только пролепетать, что не знаю.

Теперь время от времени он жаловался на усталость, а его вялость, на которую я прежде не обращала особого внимания, приобрела тревожные черты. В нем появилось нечто чужеродное! Безразличие прежде возникло мимолетно; теперь же я стала замечать, что оно стало постоянным и все усиливается. В ту пору мне было двадцать три года. Вас может удивить, что я пишу с такой серьезностью. Иногда мне приходит в голову, что у меня вообще никогда не было собственных мыслей, что я всегда читала мысли других или, возможно, самой Природы. Кажется, я была женщиной только в первые месяцы замужества.

VII

В следующие полгода не произошло ничего примечательного, кроме того, что шесть или семь раз мне снились сны, яркие и жуткие. К Артуру они не имели отношения. И все же каким-то образом я знала, что это его сны, а не мои; точнее, что они сами оживали в его подсознании, поскольку один приснился мне днем, когда Артур ушел на охоту и определенно не спал.

Последний из них приснился мне в конце осеннего семестра. Артур ушел читать лекции, я оставалась дома на грани сна и яви, слитком плотно позавтракав после бессонной ночи. Внезапно я увидела университетскую аудиторию, она была намного больше, чем на самом деле и заполнила все пространство; на кафедре, выплывая из нее со всех сторон, стоял огромный смертельно-бледный дьявол с лицом, карикатурно похожим на Артура. Злобную радость на его лице невозможно описать. Бледное и разбухшее, с бескровными обвисшими губами, оно взирало с неопишуемой злобой; а брюхо, складка за складкой, свешивалось с кафедры и выпихивало студентов из комнаты. Затем изо рта вышло слово: "Дамы и господа, курс закончен. Идите домой". Я не в состоянии описать гнуса и мерзость этой простой фразы. Затем, возвысив голос до сдержанного визга, он принялся вопить: "Белок яйца! Белок яйца! Белок яйца!" и так снова и снова двадцать минут подряд.

Это привело на меня ужасное впечатление, словно я узрела ад. Артур обнаружил меня в истерическом состоянии, но ему быстро удалось меня успокоить.

- Знаешь, - сказал он за ужином, - кажется, я чертовски простудился. В первый раз я услышала, что он жалуется на самочувствие. За шесть лет у него не было ничего страшнее головной боли.

Я пересказала ему мой "сон", когда мы легли в постель; Артур выглядел необычно мрачно, словно понял, что именно я упустила в его интерпретации. Утром у него начался жар; я велела ему оставаться в постели и вызвала врача. В тот же день я узнала, что Артур серьезно болен, причем уже несколько месяцев. Доктор сказал, что это воспаление почек.

VIII

Я сказала "последний сон". Весь следующий год мы путешествовали и перепробовали множество методов лечения. Мои способности мне несколько не изменили, но я больше не удавляла никаких бессознательных кошмаров. С небольшими колебаниями Артур чувствовал себя все хуже; с каждым днем он становился все безжизненней, все безразличней, все депрессивней. Наши эксперименты были поневоле сокращены. Единственным, что занимало Артура, стала проблема его личности. Артур интересовался, кто он такой. Я не хочу сказать, что он страдал от галлюцинаций; я имею в виду, что его воображение было занято проблемой истинного эго. Одним чудесным летним вечером в Конгрегвиле он чувствовал себя намного лучше; симптомы болезни временно исчезли благодаря лечению очень умелого врача на этом курорте, доктора Варбезье, доброго и опытного человека.

- Я хочу попробовать, - сказал Артур, - проникнуть в свою суть. Животное ли я, и бесцелен ли мир? Душа ли я, заключенная в теле? Или же я - единственный и неделимый в каком-то невероятном смысле, отблеск вечного Божественного огня? Я должен погрузиться в себя, попробовать власть в своего рода транс, который сам не смогу постичь. Может быть, тебе удастся его интерпретировать.

Эксперимент продолжался около получаса, и, наконец, Артур поднялся, тяжело дыша.

- Я ничего не видела, ничего не слышала, - сказала я. - От тебя ко мне не перешло ни единой мысли.

Но в этот самый момент то, что было у него в сознании, вспыхнуло у меня в голове.

- Это бездонная пропасть, - сказала я ему, - и над ней висит стервятник

огромней всей вселенной.

- Да, - ответил он, - так и было. Но это не все. Я не могу перейти грань. Надо попытаться снова.

Он сделал еще одну попытку. И вновь меня отрезало от его мыслей, хотя его лицо дергалось так, что можно было сказать, что его мысли сможет прочитать кто угодно.

- Я не там искал, - произнес он внезапно, но очень спокойно и не шелохнувшись. - То, что мне было нужно, находится в основании позвоночника.

И тут я увидела. В голубых небесах свернулась бесконечная змея, зеленая с золотом, с четырьмя огненными глазами, - черно-красное пламя, испускавшее лучи во все стороны; в кольцах она удерживала великое множество смеющихся детей. Стоило мне взглянуть, видение размылось. Извивающиеся реки крови потекли с небес, кровь гноилась безмянными формами, - честочные псы, волочащие за собой выпавшие кишки, полуслоны-полужуки, нечто, похожее на жуткий выбитый глаз, окаймленный кожаными шпательцами, женщины с кожей, бугрящейся и пузырящейся, точно киплящая сера, и испускающей облака, собирающиеся в тысячи новых очертаний, еще более чудовищных, чем их прародительница, - таковы были насельники этих полных ненависти рек. Кроме того, были вешки, которые невозможно назвать или описать.

Меня привел в себя вид Артура, хрипящего и задыхающегося, его скрутила судорога.

После этого случая он так по-настоящему и не оправился. Тусклый взгляд стал еще туманнее, речь медленней и неразборчивей, головные боли чаще и пронзительней.

На смену прежней замечательной энергии и активности пришел ступор, его жизнь превратилась в постоянную летаргию, сползающую в кому. Частые судороги предупреждали меня, что он находится в опасности.

Иногда его дыхание становилось тяжелым и шипящим, словно у разъяренной змеи; ближе к концу оно приобрело тип чейн-стока со всплесками все более усиливающихся по длительности и остроте.

И, тем не менее, он оставался самим собой; тот ужас, который был и все же не был им, не выглядывал из-под покрывала.

- Пока я нахожусь в сознании, - сказал Артур в момент редкого просветления рассудка, - я могу сообщать тебе то, что я думаю; как только сознательное это вытесняется, ты ловишь бессознательную мысль, которая, боюсь - о, как я этого боюсь! - и есть большая и истинная часть меня. Ты извлекала неразумное объяснение из мира снов; ты - единственная женщина на свете, - возможно, другой никогда не будет, - у которой есть возможность изучить феномен смерти.

Он искренне убеждал меня, в надежде умерить мою скорбь, чтобы я всецело концентрировалась на мыслях, появляющихся в его сознании, когда он больше не способен был выразить их, и на бессознательном, если сознание блокировала кома.

Это и есть тот самый эксперимент, который я ныне заставляю себя описать. Пролог оказался длинным; необходимо было представить человечеству факты простейшим путем, чтобы оно смогло узнать верный способ самоубийства. Я искренне прошу читателей не сомневаться в истинности моего рассказа; описания наших экспериментов, оставленные в моем завещании величайшему из ныне живущих мыслителей, профессору фон Бюле, докажут, что моя повесть правдива, и что существует великая и страшная необходимость действовать немедленно и решительно.

ЧАСТЬ II

I

Удивительным физическим проявлением болезни моего мужа была всеобъемлющая прострация. Тело столь сильное, что подтверждали частые

судороги, и такая инертность в нем! Он мог целый день лежать, как бревно; затем без предупреждения или конкретного повода начинались спазмы. Уравновешенный научный мозг Артура хорошо переносил это состояние: бред начался только за два дня до смерти. В тот момент меня не было рядом, я совсем измучалась и не могла спать, так что доктор настоял, чтобы я отправилась на продолжительную автомобильную прогулку. На свежем воздухе я задремала и проснулась оттого, что незнакомый голос сказал мне прямо в ухо: "Ну а теперь - гвоздь программы". Поблизости никого не было. И тут я услышала голос моего мужа - знакомый и любимый, - ясный, сильный, низкий, размеренный: "Запомни все точно, это очень важно. Меня увлекат силы бессознательного. Может быть, я больше не смогу с тобой говорить. Но я здесь, меня не изменят страдания; я всегда смогу думать; ты всегда сможешь читать мои... - Голос сорвался в страстный вопрос. - Но кончится ли это когда-нибудь? - словно некто что-то ему сказал. И тут я услышала смех, который я слышала под мостом Магдалины, был божественной музыкой по сравнению с этим! Даже лицо Кальвина, когда он злорадствовал, глядя на сожжение Сервета, приспосылось бы милосердия, услышав он этот смех, превосходящий воплощавший самую суть проклятия.

С этой минуты мысли моего мужа словно поменялись местами с мыслями другого. Они были снизу, внутри, подавлены. Я сказала себе: "Он мертв!"

И тут возникла мысль Артура: "Лучше б я притворился безумным. Это спасло бы ее, быть может, и это изменило бы все. Сделаю вид, что я зарубил ее топором. Будь все проклято! Надеюсь, она не слышит. - Теперь я уже полностью проснулась и велела шоферу ехать домой. - Надеюсь, она погибла в автокатастрофе, надеюсь, что ее разнесло на миллион кусочков. Господи! Услышь мою молитву! Пусть анархист бросит бомбу и разорвет Магдалину на миллион кусочков! Особенно мозг! Главное - мозг. О Боже! Моя первая и последняя молитва: разнеси Магдалину на миллион кусочков!"

Самым ужасным в этой мысли была моя убежденность - тогда и теперь - что она возникла в сознании совершенно ясном и последовательном. И я чрезвычайно боялась думать о смысле его слов.

У дверей палаты меня встретил санитар, попросивший не входить. Не владея собой, я спросила "Он умер?", и, хотя Артур лежал на постели абсолютно недвижимый, я прочитала ответную мысль "Умер!", безмолвно произнесенную полным издевки, ужаса, цинизма и отчаяния тоном, которого я никогда не слышала прежде. Это было нечто или некто, бесконечно страдавший и бесконечно глумившийся над самим страданием. И это нечто завесой отделило меня от Артура.

Снова послышалось свистящее дыхание; казалось, Артур пытается выразить себя, преждего. Ему удалось негромко произнести: "Это полиция? Выпустите меня из дома! За мною пришла полиция. Я зарубил Магдалину топором". Появились симптомы бреда. "Я убил Магдалину", - пробормотал он десяток раз, потом принялся снова и снова повторять "Магдалину...", голос угасал, затихал, все еще повторяя. Затем внезапно, очень ясно и громко, пытаясь привстать на постели, он произнес: "Я разможил Магдалину топором на миллионы кусочков". И после секундной паузы: "Миллион - в наши времена не так уж много". После этого (теперь я понимаю, что то был голос вменяемого Артура), он снова начал бредить. "Миллионы кусочков", "целый миллион", "миллион миллион миллион миллион миллион, миллион" и так далее, и вдруг внезапно: "Собачка Фанни умерла".

Я не могу пояснить последнюю фразу моим читателям, скажу только, что она значила для меня очень многое. Я зарыдала. И в этот момент уловила мысль Артура: "Ты должна записывать, а не плакать". Я взяла себя в руки, вытерла слезы и принялась писать.

II

В этот момент пришел врач и стал уговаривать меня отдохнуть. "Вы только сами себя изводите, миссис Елэр, и совершенно напрасно, потому что он без сознания и ничего не чувствует". Пауза. "Господи! Почему вы так на меня смотрите?", - воскликнул он, не на шутку испугавшись. Верю на моем лице

появилось нечто от этой дьявольщины, что-то от этого хохота, этого отравления, этой трясины презрения и безнадежного отчаяния.

Я вновь погрузилась в себя, устыдившись, что судье знание - сиречь знание тусное - приспосылало меня столь жуткой гордыни. Теперь понятно, отчего пал Сапана! Я стала понимать старые легенды, да и многое другое...

Я сказала доктору Киршоу, что исполню последнюю волю Артура. Он не стал возражать, но я заметила, что он подал знак санитару, чтобы тот не спускал с меня глаз.

Палец больного подождал нас. Говорить Артур не мог, лишь чертил круги на одеяле. Врач (с примечательной сообразительностью), подчитав круги, кивнул:

- Да, уже почти семь часов. Время принимать лекарство, верно?

- Нет, - объяснила я, - он хочет сказать, что он в седьмом круге дантова ада.

В этот момент у Артура начался буйный бред. Дикие долгие вопли вырывались из его горла: его неустанно пожирал Дис; каждый вопль свидетельствовал о встрече с зубом чудовища. Я объяснила это врачу.

- Нет, - ответил тот, - он потерял сознание.

- Увидите, - сказала я, - он издает еще восемь воплей.

Доктор Киршоу взглянул на меня удивленно, но принялся считать. Мои подсчеты оказались верны.

Он обернулся ко мне:

- Да человек ли вы?

- Нет, - отвечала я. - Я коллега своего мужа.

- Мне кажется, это внушение. Вы его гипнотизировали?

- Нет, но я умею читать его мысли.

- Да, теперь припоминаю. Я читал очень любопытную работу о рассудке, два года назад.

- Это были детские забавы. Но позвольте мне продолжить работу.

Он дал последние распоряжения санитару и ушел.

Страдания Артура в этот момент были невыразимы. Он был пережеван в полную кашу и очутился на языке Диска, каждый кровавый кусочек сохранял идентичность свою собственную и целого.

Соски на языке были змеями, каждая скрежетала ядовитыми зубами, завидев пишу.

Хотя чувствительность Артура нисколько не притупилась, даже сверхобострилась, его болезненные ощущения, казалось, усиливались, когда рот открывался. Когда же он закрывался, чтобы пережевать пишу, забвение обрушивалось, точно удар молнии. Милосердие забвение? О! Что за мастерский удар жестокости! Вновь и вновь Артур просыпался от абсолютной пустоты к аду мучений, чистому экстазу страданий, пока не понял, что так будет продолжаться до самого конца, пока сокращается сердце, бьется злобный пульс, сознание питается током крови. Я уловила страстную мольбу, чтобы смерть завершила пытку.

Кровь струилась все медленней и все слабее; я чувствовала, как Артур уповает на смерть.

Эта страшная надежда внезапно померкла, сникла от сомнений. Упованиям пришел конец, страх восстал драконом со свинцовыми крыльями. А вдруг, думал он, смерть меня не прикончит!

Я не могу сформулировать эту концепцию. Нет, сердце его не исчезло, ему некуда было исчезать, он знал, что оно бессмертно, бессмертно в царстве невообразимой боли и мучений, освещенном одним только светом, - бледным мерцанием ненависти и гибели. Эта мысль нашла выражение в таких словах:

Я - то, что Я ЕСТЬ

Нельзя сказать, что к ужасу добавилось кощунство; скорее, оно и было средоточием ужаса. Это был скрежет зубовой проклятой души.

III

Демоноподобное существо, которое я теперь ясно узнала, - оно присутствовало в моем последнем "сне" в Кембридже, - кажется, собиралось

сделать глоток. В этот момент умирающего сотрясла судорога, и демон зашелся в отряжке. Внезапно мне пришла в голову теория, что этот "демон" был воображаемой персонализацией болезни. Мгновенно я поняла всю демонологию от Бодена и Вейбуса до современников, без пробелов. Но воображение это было или реальность? Реальность такова, что способна утопить любую "здравую" мысль.

В этот момент появился старый Артур:
- Я не чудовище! Я - Артур Блэр из Феттса' и колледжа Святой Троицы. Я пережил приступ болезни. Большой слабо пошевелился. Часть его мозга на мгновение вытеснила яд и яростно работала вопреки времени.
- Скоро я умру.
- Утешение в смерти - это религия.
- В жизни нет применения религии.
- Сколько на свете атеистов, сочиняющих статьи во имя братства и всего живущего! Религия в жизни, - либо развлечение и шотворное, либо притворство и мошеничество.

- Я воспитывался пресвитерианином.
- С какой легкостью я перешел в англиканскую церковь!
- И где теперь Бог?
- Где Агнец Божий?
- Где Спаситель?
- Где Утешитель?
- Почему меня не спасли от этого дьявола?
- Примется ли он пожирать меня снова? Чтобы полностью поглотить меня?
О, что за чудовищная участь! Для меня совершенно ясно - надеюсь, ты записываешь, Магдалина! - что демон создан из всех, кто умер от Брайтовой болезни. Кажется, я один раз видел чавкающую трясиину кровавой жижи.
- Я буду молиться.

Последовало страстное воззвание к Создателю. Столь искреннее, что непочтительно было бы предавать его печати.

И следом - холодный ужас кощунственного выпада против молчащего Бога.
Затем пришла ясная черная мука сознания - абсолютной уверенности - "Бога нет!", ей сопутствовала волна бешеной ненависти к людям, которые столь бойко убеждали его, что Бог есть, почти маниакальная надежда на то, что им предстоит страдать больше, чем ему, если такое вообще возможно.

(Бедный Артур! Он еще не полностью познал вкус плодов Мучения; ему придется выжить до дна этот самый жуткий из напитков).
- Нет, - думал он, - возможно, мне не достает их "веры".
- Может быть, если мне действительно удастся убедить себя в существовании Бога и Христа... возможно, если я смогу обмануть себя, вера возможна...

Такая мысль - подспорье для капитуляции честности, отречения от здравого смысла. Она свидетельствовала о последнем бесполезном сопротивлении его воли.

Демон поймал его и вцепился, снова начался буйный бред.
Мои плоть и чувства восстали. Охваченная необоримыми позывами рвоты, я выбежала из комнаты и намеренно на целый час отключила свою чувственность от сознания. Я и раньше знала, что малейшее присутствие в комнате табачного дыма изрядно сокращает мои способности. С этой целью я курила одну сигарету за другой с превосходным эффектом. Я ничего не ведала о том, что происходит.

IV

Артур, ужаленный ядовитым млечным соком, свалился в огромное сводчатое брюхо, напоминавшее адский купол, возставший над пузырящейся жижой. Я почувствовала, что его расчленили не просто механически, но и химически, что его существо все больше и больше распадается на частицы, воплощающиеся в новых отвратительных формах, но, что хуже всего, самого Артура это не меняет; вопреки всему, нетронутые память и здравый смысл работают еще точнее, пока новый кошмарный опыт не поставит им информацию. Казалось, к

пытке добавилось некое мистическое состояние; хотя Артур не был, совершенно не был этой бесформенной грудой сознания, все же это был именно он. Нас всегда, по меньшей мере, двое! Тот, кто чувствует, и тот, кто знает, - не вполне один человек. Эта двойственность личности ярко проявляется в смерти.

Не менее важным было то, что чувство времени, на которое обычно полагаются люди, - в таких случаях, как мой, особенно, - намеренно искажалось, если не пропало совсем.

Все мы судим о течении времени в соответствии с нашими обычными привычками или каким-то подобным стандартом. Обреченность на бессмертие должна естественно разрушить ценность такого чувства. Если ты бессмертен, какая разница между коротким и длинным промежутком времени? Тысяча лет и один день, - очевидно, одно и то же с точки зрения "навсегда".

В нас скрыты бессознательные часы, - часы, заведенные опытом человечества на семьдесят или примерно семьдесят лет. Пять минут - слишком долго для нас, если мы ожидаем оминibus, вечность, если ждем возлюбленного, и суший пустяк, если заняты приятным делом или спишь.

Мы думаем, что семь лет - долгий срок, когда говорим о тюремном заключении, и совершенно ничтожный, когда речь заходит о геологии.

Но когда существует бессмертие, возраст вселенной сам по себе - ничто. Эти умозаключения не полностью захватили сознание Артура; они нависли над ним угрозой, а в обостренном сознании, освобожденном от естественного для живущего чувства времени, каждое движение демона представлялось действием бесконечно долгим, хотя промежутки между криками, которое издавало лежащее в постели тело, были совсем короткими. Каждый приступ боли или ужаса рождался, возносился до вершины и ниспадал, чтобы возродиться спустя мгновение, казавшееся целой эпохой.

Это ощущение было еще сильнее в процессе ассимиляции Артура "демоном". Кома умирающего была феноменом, вырванным из времени. Ситуация "переваривания" оказалась новой для Артура, у него не было оснований для предположений и данных, с помощью которых он смог бы определить расстояние до конца. Могу лишь бегло описать этот процесс: по мере того, как его поглощали, сознание Артура перемешалось в сознание "демона", он сливался воедино с его голодом и мерзостью. В то же время он пережевывал себя сам, собственным существом рвал свои тончайшие молекулы, самым гнусным образом глумясь над той частью себя, что была отвернута.

Я не смогу описать заключительный процесс; суть его в том, что демоническое сознание ухилоло, Артур становился экскрементами демона, и, точно эти нечистоты, падал еще глубже в мерзостную пропасть тьмы и ночи, чье имя - смерть.

Еле живая, я поднялась. С трудом произнесла: "Он мертв". Санитар склонился над телом. "Да! - повторил он, - мертв!". Казалось, вся вселенная сплилась в едином жутком хохоте смерти и ужаса. "Мертв!".

V

Я не вставала с места. Я чувствовала, что должна удостовериться, что смерть всему положила конец. Но горе человечеству! Сознание Артура было живее прежнего. Это был черный страх падения, немой экстаз бесперывного страха. На море позора не было волн, ни малейшего движения мысли на проклятых водах. Не было никакой надежды в этой бездне, ни одного намека, что это может прекратиться. Полет был столь бесконечным, что даже не ощущалось ускорение; он был постоянным и горизонтальным, точно падение звезды. Не было даже ощущения скорости; полет должен был быть невероятно быстрым, судя по необъяснимому страху, который он вызывал, и в то же время немалым медленным, если представить бездонность пропасти.

Я приняла меры, чтобы меня не беспокоили почести, которые люди - о, сколь глупо! - воздают усопшим, и нашла утешение в сигарете.

И только сейчас, впервые, как ни странно, я стала обдумывать возможность помочь ему.

Я анализировала ситуацию. Должно быть, это были его мысли, иначе я бы

не смогла их воспринимать. У меня не было оснований считать, что до меня долетают чьи-либо другие мысли. Он был жив в прямом смысле слова, он, а не кто-то иной, стал добычей невыразимого страха. Очевидно, у этого страха было некое физическое основание в мозгу и теле. Все прочие феномены, которые я наблюдала, были непосредственно связаны с физическим состоянием; это было отражение сознания, с которого спали оковы человеческого, процессов, действительно происходивших в теле.

Возможно, интерпретация ложна, но это была его интерпретация, и именно она порождала муки, превосходящие те, которые поэты называют адскими.

Стыдно признаться, но первым, о чем я подумала, была католическая церковь и ее мессы для упокоения усопших. Я пошла в храм, обдумывая по дороге все, что когда-либо было сказано - предвсудки сотни дикарских племен. В глубине души я не могла определить, чем отличаются варварские ритуалы от христианских.

Как бы то ни было, мой план не удался. Священник отказался молиться за душу еретика.

Я послушала обратно и возобновила свое бдение. Изменений не было, только углубление страха, обострение одиночества, все большее погружение в кошмар. Я только и могла уповать, что, по мере угасания жизненных процессов, смерть станет коном: ад, граничащий с полным уничтожением.

За этим последовала цепь размышлений, конечным из которых стало намерение ускорить процесс. Я думала о том, как разрушить мозг, но понимала, что у меня нет возможности это сделать. Решила, что можно заморозить тело, сочинив историю для санитара, но потом поняла, что не может быть холода страшнее бесконечной черной пустоты.

Я подумала, не сказать ли врачу, что Артур хотел передать свое тело хирургам, что он боялся быть погребенным живым, - придумать все, что угодно, лишь бы заставить их извлечь мозг. В этот момент я взглянула в зеркало. Я поняла, что не должна ничего говорить. Мои волосы поседели, лицо осунулось, безумные глаза налились кровью.

Беспомощная и несчастная, я легла на диванчик в кабинете и жадно принялась курить. Облегчение было столь сильным, что моему чувству преданности и долга предстояла немалая битва, чтобы заставить меня возобновить работу. Смесь ужаса, любопытства и восторга, должно быть, помогла.

Я погасила пятую сигарету и вернулась в обитель смерти.

VI

Я провела за столом меньше десяти минут, и тут с пугающей неожиданностью случилась перемена. В какой-то точке пропасти тьма собралась, сконцентрировалась и вспыхнула зловещим пламенем, хлынувшим бесцельно из ниоткуда в никуда.

Это сопровождалось гнуснейшей вонью.

Все завершилось мгновенно. Точно гром, которому предшествует молния, последовал жутчайший шум, который я могла бы назвать криком большой машины.

Крик этот повторялся с равными промежутками в течение часа пяти минут и оборвался столь же внезапно, как и начался. Артур все еще падал.

Через пять часов произошел еще один подобный пароксизм, но сильнее и продолжительней. Снова настала тишина, - несколько столетий страха, одиночества и позора.

После полуночи под падающей душой открылся серый океан кишков. Казалось, он безграничен. Артур с плеском упал в него и стал по-новому воспринимать происходящее.

Море, хоть и бесконечно холодное, было покрыто кипящей зыбью. Более-менее однородная слизь, вонь которой превосходит все человеческие представления (в нашем языке недостает слов, определяющих запах и вкус; мы всегда относим наши чувства к области общеизвестного), постоянно завалилась зелеными водоворотами - бешеными красными кратерами с мертвенно-белыми заостренными краями; летуда извергался гной, образующая

все известные человеку вещи, но в изуродованном, униженном, кошмарном виде.

Вещи невинные, вещи счастливые, вещи святые! Каждая невыразимо оскверненная, омерзительная, тошнотворная! Во время бдения на следующий день я распознала один рисунок. Я увидела Италию. Сначала карту Италии - нога в сапоге. Но эта нога стала быстро меняться, минув множество фаз. По очереди она становилась лапами всех животных и птиц на свете, и каждая была изуродована всеми мыслимыми болезнями - от проказы и слоновости до золотухи и сифилиса. Было ясно, что это неотделимая и вечная часть Артура.

Затем сама Италия, гнусная в каждой детали. И следом я сама. Воплощенная во всех женщинах на свете, со всеми болезнями и следами пыток, которые Природа и человек способны замислить в адских фантазиях, и каждая умерла так же, как Артур, и их вечные муки дополняли его собственные, и были узаны и восприняты, как его собственные.

То же произошло с нашим несуществующим ребенком. Все дети всех народов, - недонесенные, изувеченные, подвергнутые пыткам, раздробленные на части, замученные с изобретательностью, на которую способен только величайший из дьяволов.

Подобное происходило с каждой мыслью. Я поняла, что разложение мозга мертвеца постепенно затрагивает каждую его мысль, марая ее краской самого ада.

Я засекала продолжительность одной мысли: несмотря на то, что в ней были неисчислимые миллионы деталей, и каждая ясная, яркая и продолжительная, длилась она всего лишь три секунды земного времени. Я подумала, что в его мозговом мозге хранится гигантское количество мыслей; ясно было, что они не истощаются и за тысячу лет.

Но, возможно, если разрушить мозг, чтобы его составные части оказались неразличимы...

Принято считать, что сознание обусловлено правильной циркуляцией крови в клетках мозга; но почему бы записи мыслей не осуществляться как-то иначе? Теперь мы знаем, что опухоль мозга порождает галлюцинации. Сознание работает странным образом; небольшое нарушение кровообращения, и оно угасает, точно свеча, или же приобретает чудовищные формы.

Но вот сокрушительная истина: в смерти человек живет снова, и живет вечно. Можно было бы догадаться и раньше: фантастическая жизнь, возникающая в сознании углоаженного, предполагает нечто подобное у каждого человека с активным и живым воображением.

Хуже всего то, что сами мысли были предчувствиями мыслей перед тем, как те появлялись. Карбункулы, нарвы, язвы, раковые опухоли - нет аналогов гнойникам в утробе ада, в бурлящие конвульсии которого потружался Артур - глубже, все глубже.

Важность этого опыта не может быть постигнута человеческим разумом. Я была убеждена, что для меня конец наступит с кремацией его тела. Я безмерно радовалась, что Артур распорядился это сделать. Но для него начало и конец, судя по всему, не имели значения. Мне казалось, что сквозь все доносится подлинная мысль Артура: "Хотя это все - я, это лишь мое случайное свойство; я же стою поодаль, невредимый, вечный".

Ни в коем случае не следует думать, что все это в какой-то степени умалало интенсивность страданий. Скорее, лишь добавляло им силы. Быть омерзительным - не так страшно, как быть свергнутым в мерзость. Погрузиться в нечистое, - означает стать нечувствительным к отравлению. Но если сделать это и все равно оставаться чистым, каждая гнусность лишь добавляет боли. Представьте малонну, заклеченную в теле проститутки и вынужденную признать "это я", ни на секунду не упреждая отвращения. Не только быть заточенным в аду, но и по принуждению участвовать в адских таинствах; не только быть верховным жрецом его ритуалов, но прародителем и провозвестником его культа; Христос, которому отвратителен поцелуй Иуды, теперь узнает, что предатель - он сам.

VII

По мере того, как продвигалось разложение мозга, гнойники порой лопались одновременно, и, в результате, к обычному кошмару добавлялись пуганица и гипертрофия безумия со всеми ее муками. Можно предположить, что любая неразбериха была бы отклонением от столь омерзительной ясности, но это было не так. К мучениям добавлялось оглушительное чувство тревоги.

Появлялись устрашающие видения, они исчезали, взрываясь и превращаясь в кашеобразные окаменелые нечистоты, которые были главным элементом многих частей, из которых состоял Артур. Пока он падал глубже и глубже, феномен возрастал во всех смыслах. Теперь нечистоты стали джунглями, в которых неизвестность и ужас целого постепено смогли затмить даже отвращение, которое вызывала каждая составляющая.

Безумие живущих - вещь столь гнусная и жуткая, что любое сердце может окаменеть от ужаса; но это ничто по сравнению с безумием покойников!

Теперь возникло новое осложнение: необратимый и полный распад уравнивающего механизма сознания, который контролирует чувство времени. В чудовишно развитом и деформированном мозге, похожем на текущее бесформенное желе с внезапно появляющимися огромными щупальцами, время распалось в тысячу раз сильнее. Чувство последовательности само по себе было уничтожено; вещи последовательные казались наложенными друг на друга или совпадающими в пространстве; образовалось новое измерение, границы стерлись, открыв еще одну бездонную пропасть.

Ко всему прочему добавились замешательство и страх, по сравнению с которыми земная агорафобия кажется жалкой пародией; в то же время Артура терзало ощущение замкнутости пространства, поскольку из бесконечности нет выхода.

Добавим к этому безнадежность от монотонности ситуации. Хотя феномены менялись, в целом они казались одинаковыми. Все человеческие задачи облегчаются уверенностью, что когда-нибудь они завершатся. Даже наши радости были бы невыносимы, если бы мы убедились, что они будут продолжаться, сменяясь скукой и отвращением, усталостью и пресыщением, все дальше и дальше. В этой нечеловеческой, сверхъядвольской преисподней присутствовала утомительная повторяемость, один и тот же диссонанс, непрерывный визг, и промежутки тишины не давали отдохновения, лишь страшное перетекание ужаса через край в ожидании нового кошмара.

Часами, тянувшимися для Артура, точно вечность, продолжалась эта стадия, пока каждая клетка, содержащая память о чем-то, была исковеркана, быстро сгнивала и распадалась.

VIII

Бактериальное разложение, поначалу ничтожное, сменилось грубым химическим процессом. Гнилостные газы, формирующиеся в мозгу и вновь проникающие в него, в сознании Артура представлялись полчищами гнойников, бесформенных и безликих - Артур еще не постиг бездну. Полушная, извивающаяся, окутывающая Вселенная объядла его, погрузив в неописуемую скверну, втягивая в удушающий ужас.

Раз за разом она топила его сознание в пучине, описание которой он не способен был мне передать; неудивительно, ведь его мучения совершенно превосходили пределы человеческого выражения.

Муки лишь расширялись, усиливались с каждым фиалом гнева. Память окрепла, понимание возросло, воображение стало безграничным.

Как знать, что это означало? Человеческий рассудок не может по-настоящему воспринимать числа за пределами примерно двух десятков; он оперирует цифрами благодаря умозаключениям, а не руководствуясь впечатлением. Только высочайший интеллект способен отличить пятнадцать спичек, лежащих рядом, от шестнадцати, не пересчитав их. После смерти это ограничение полностью исчезает. В бесконечном содержании Вселенной каждая вещь осознается отдельно. Мозг Артура стал равным тому, которым теологи наделяют Создателя; только вот способности повелевать ему не было дано. Беспомощность человека перед обстоятельствами возросла в нем безгранично, но детали и целое он воспринимал без изъяна. Артур понимал, что Многие

равнозначно Единственному, без утраты или смещения концепций каждого. Он был Богом, но Богом безнадежно проклятым; существом высшим, но ограниченным природой вещей, и природа эта состояла исключительно из мерзости.

IX

У меня почти не оставалось сомнений, что кремация тела моего мужа сократит процессы, которые в потребленном продолжатся до той поры, пока не останется следов органической субстанции.

Первое прикосновение пламени породило процесс столь жестокий и явственный, что все прошлое поблекло в его ярком свете.

Неутолимые муки боли невозможно описать; если и было какое-то облегчение, то лишь в ликовании оттого, что это кончится.

Не просто время, но все паузы времени, все монстры из чрева времени подлежали уничтожению; даже это могло уповать на свой конец.

Это - "червь, что не умирает", а существование - "огонь неугасимый". И вот во вселенском потребальном костре, прорве жидкой лавы, выпущенной вулканами бесконечности, в "огненном озере" для дьявола и ангелов его, неужели нельзя достичь дна? Ах! Но времени больше не было, равно как и его призрака! Оболочка была истреблена огнем, плотские газы, объединяясь и развешиваясь, были унесены пламенем, освобождены от органической формы.

Где был Артур?

Его мозг, его индивидуальность, его жизнь были безоговорочно уничтожены. По частицам, именно так, Артур слился со вселенским сознанием.

И я слышала его утверждение; или, скорее, это мой перевод на английский единственной мысли, суть которой была: "Горе".

Вещество называется духом или материей.

Дух и материя суть одно, неделимое, вечное, неразрушимое. Бесконечная и вечная перемена!

Бесконечная и вечная боль!

Никакого абсолюта, никакой правды, никакой красоты, никакой идеи, одни лишь водовороты формы, нескончаемые, неукротимые.

Вечный голод! Вечная война! Перемены и боль бесконечные и бесперывные.

Индивидуальности нет, только в иллюзиях. А иллюзия есть перемена и боль, и ее разрушение есть перемена и боль, и ее новое отделение от бесконечного и вечного есть перемена и боль; и вещество бесконечное и вечное есть неразрывные перемены и боль.

За пределами мысли, что есть перемена и боль, находится существо, которое есть перемена и боль.

Это были последние слова, которые мне удалось разобрать, они сорвались в нескончаемый вопль: Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! в бесперывной монотонности, которая начинает звенеть у меня в ушах, если я позволяю себе отвлечься от размышлений и прислушаться к голосу чувств.

Во сне я отчасти защищена и постоянно поддерживаю огонь в лампе, чтобы жечь в комнате табак; и все же слишком часто мои сны раздирает это повторяющееся Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе!

X

Финальная стадия ясно кажется неизбежной, если только мы не верим в теории буддистов, к чему я в принципе склонна, поскольку их точка зрения на Вселенную точно подтверждается описанными здесь фактами. Но одно дело распознать болезнь, и совсем другое - найти лекарство. Честно говоря, все мое нутро выворачивает от их методов, и я, скорее, поверю в абсолютную преопределимость и достигну ее как можно скорее. Моя основная забота - не допустить предварительной пытки, и я убеждена, что взрыв динамитной шашки во рту - самый надежный способ этого избежать. Существует возможность, что,

если все мыслимые умы, все "духовные существа" будут умерщвлены таким образом, и, особенно, если удастся уничтожить всю органическую жизнь, Вселенная прекратит существование, поскольку (как доказал епископ Беркли) она может существовать только в мыслимых рассудке. Нет серьезных свидетельств (вопреки Беркли) существования разума за пределами человеческого. Материя сама по себе в каком-то смысле способна думать, но ее монотонное ступенчатое не столь мерзко, как ее гнусное соиздание вещей высоких и святых для того лишь, чтобы сбросить их сквозь позор и ужас в прежнюю бездну.

Я буду добиваться широкого распространения этих записок. Дневники моей работы с Артуром (т. I-ССХIV) будут отредактированы профессором фон Бюле, исключительный ум которого, возможно, сможет отыскать избавление от кошмарной участи, ожидающей человечество. Записи приведены в порядок, и я могу спокойно умереть, поскольку вынести больше не могу, а более всего на свете боюсь заболеть и умереть естественной или случайной смертью.

Примечание :

Я рад возможности опубликовать в издании, столь широко читаемом медиками-профессионалами, рукопись вдовы профессора Блэра.

Без всякого сомнения, ее рассудок помутился от скорби после смерти мужа; медицинский работник, который навещал его во время последней болезни, был обеспокоен ее состоянием и решил наблюдать за ней. Она пыталась (безуспешно) купить динамит в нескольких магазинах, а затем пришла в лабораторию своего покойного мужа и хотела изготовить хлорид азота, - очевидно с целью самоубийства; там она была задержана, признана невменяемой и помещена под мою опеку.

Этот случай представляется необычным в силу нескольких обстоятельств:

1) Я ни разу не замечал, чтобы она неверно оценивала какой-либо из доступных проверке фактов.

2) Без сомнения, она умеет читать мысли самым удивительным образом. В частности, ей удается предсказать приступы буйного помешательства у моих пациентов. За несколько часов до начала припадков она определяет их с точностью до минуты. В одном раннем случае мое недоверие к ее возможностям привело к опасному ранению моего сотрудника.

3) Она сочетает навязчивое желание покончить с собой (описанным ею необычным способом) с ярко выраженным страхом смерти. Она беспрерывно курит, и я позволил ей окуривать ее палату по ночам тем же средством.

4) Ей, вне всякого сомнения, двадцать четыре года, но любой компетентный специалист совершенно определенно даст ей шестьдесят.

5) Профессор фон Бюле, которому были отправлены ее записки, прислал мне длинную и срочную телеграмму, умоляя освободить ее при условии, что она обязуется не совершать самоубийство и будет работать с ним в Бонне. Очень сомневался, однако, что немецкие профессора, пусть и выдающиеся, могут оказывать влияние на администрацию частных лечебниц в Англии, и уверен, что Комиссия по душевнобольным поддержит меня в отказе рассматривать его просьбу.

Хочу особо подчеркнуть, что этот документ публикуется исключительно как свидетельство очень любопытной, возможно уникальной, формы душевной болезни.

В. Инглиш, доктор медицины.

Перевод Д. Волчека

Рассказ впервые опубликован в журнале The Equinox в 1912 году. Вошел в сборник "Военная хитрость".

из феттса - Привилегированный колледж в Эдинбурге.

Джеймс Хинтон (1822-1875) - автор книги "Тайна боли" (1866), в которой утверждалось, что существует равновесие страданий: боль, которую испытывают одни люди, идет на пользу другим.

Покойный профессор Хаксли - Томас Генри Хаксли (Гексли) (1824-1895) - британский биолог-дарвинист.

"червь, что не умирает"... "огонь неугасимый" - Евангелие от Марка, 9:44

"огненным озером" для дьявола и ангелов его - Откровение 20:10

1 Бессмертие против мира (лат.)

* Одна из величайших жестокостей природы - то, что все болезненные и депрессивные ощущения, кажется, длятся дольше обычного; когда же мысли приятны и настроение возвышено, время словно летит. Таким образом, когда подводишь итог жизни с отстраненной точки зрения, кажется, что удовольствия и мучения занимают равные периоды, но остается впечатление, что мучения были неизмеримо сильнее удовольствий. Это может быть оспорено. Вергилий писал: "Forsitan haec olim meminisse juvabit", и есть один современный автор, одержимый пессимизмом, а на самом деле вполне оптимистичный. Но новые факты, которые я привожу, могут придать совершенно новое направление дискуссии; они бросают меч колоссальной тяжести на эти дрожащие весы.

* Это мое общее замечание относится и к ученым, с одной стороны, и к писателям, с другой. Мы можем выразить новую идею, только объединив две старые или же прибегнув к метафоре; так любое число можно образовать при помощи двух других. У Джеймса Хинтона была, без сомнения, очень свежая, простая и выразительная идея о "четвертом измерении пространства"; но ему было очень трудно объяснить ее другим, даже если это были серьезные математики. Таков, полагаю я, значительнейший фактор, препятствующий прогрессу человечества, - великие люди считают, что они будут поняты окружающими.

Даже такой мастер просто говорить по-английски, как покойный профессор Хаксли*, был столь принципиально недопонят, что его постоянно обвиняли в выдвигании тезисов, которые он намеренно опровергал самым ясным языком.